нового архимандрита выкинула вон и стала обсуждать, следует ли теперь молиться за царя. Царских стрельцов твердыня встретила выстрелами, и началась многолетняя осада. Стены в Соловках толстые, из громадного дикого камня сложенные; девяносто пушек на стенах; в погребах девятьсот пудов пороху; хлеба на десять лет; одного меда двести пудов...

Федор из Пустозерска писал: «Во время сие ни царя, ни святителя».

Лазарь в посланиях царю и патриарху говорил, что «в Великой Русии есть и сто тысящь готовых умрети за законы отеческие».

Аввакум то ласково обращался к царю, то грозился.

Неизвестно, читал ли царь их письма, но что их читали очень многие — это определенно. Сыновья Аввакума вернулись на Мезень в 1669 году, и тогда же Федор писал туда Ивану, посылая челобитные его отца, свою книгу «Ответ православных» и «сказки» Лазаря:

«И ты, братец Иван... сотвори так, как отец приказал вам — в Соловки пошли и к Москве верным; и тут давай списывать верным людям... списывали б добрым письмом».

В Москве «верные» постарались, наладили тайную почту. Московский священник Дмитрий поселился близ Пустозерска, а жена его Маремьяна Федоровна действовала в Москве. Дело было поставлено так хорошо, что протопоп бочками посылал освященную воду, а из Москвы получал деньги на пропитание и подкуп стрельцов, одежду и даже малину, до которой был большой охотник.

Инокине Мелании он писал: «Малины еще пришлите ко мне... Спаси бог за епитрахиль и за всю доброту вашу ко мне».

И была та старица Мелания вроде бы игуменьей в монастыре, в который все больше превращался большой дом боярыни Морозовой. Уж у боярыни один раз имения отбирали, да спасибо матушке-государыне Марии Ильиничне — от опалы спасла подругу.

Теперь в доме что ни день люди из Пустозерска, Поморья, Заволжья, Сибири, с Дона. Послания Аввакума и других пустозерских страдальцев переписываются и рассылаются во все концы. У кого какой вопрос появится, тотчас Аввакуму напишут, а он ответит и все разъяснит. Чем-то вроде патриарха старообрядчества становился Аввакум.

Кто же охотнее всего следует за Аввакумом? Кто разносит его послания?

Тогдашний патриарх Иоасаф обратился с «увещаньем ко всем православным», призывая их беречь себя от «тунеядцев», «от новоявленных церковных мятежников и их льстивого учения».

Он писал, что те, кто не хочет «великого государя службы служити, инии холопства избывающе, инии ленящеся работати, инии нехотяще в монастырех жити, скитаются по лесом и вертепом, и оттуду тайно, яко тати и сынове тмы, во ограды и веси входят и простая люди прельщают».

Беглые холопы и монахи, служивые и посадские люди — все самое пытливое и неспокойное, что выплескивает из себя рядовая Русь. Это тот же слой, из которого вербует своих эмиссаров и равнодушный к религии Степан Разин.

В стране неспокойно. Стенька Разин уже к нижегородским пределам приблизился. Мужики на севере и на востоке, как завидят стрельцов царя — слуг антихриста, сжигаются по сто и больше человек. Наверно, мог осудить и остановить гари Аввакум, но не сделал этого, считая, что так русский народ доказывает свою преданность старой вере. «Русачки бедные, пускай глупы, рады: мучителя дождались; полками в огнь дерзают...» И странно это — сам он жизнь любил и антихриста не боялся. Вот так переплелись две ветви раскола. Изуверы «капитоны» и ревнители старины.

С тревогой и сомнением наблюдают сочувствовавшие Аввакуму аристократы Воротынские, Хилковы, Плещеевы, Хованские и другие, как воспринимаются в народе послания Аввакума. Но и здесь у него немало деятельных сторонников. И даже таких непостижимых, как Феодора

Нарышкина, которая, подобно жене Артамона Матвеева, была англичанка, урожденная Гамильтон.

А в народе уже возникают такие легенды.

Пришел будто бы Аввакум к царю во дворец и сказал:

— Горе всему русскому народу выпало, стрельцы твои всех мужиков обобрали. Чем же дальше они животы свои держать будут?

Царь покраснел как рак и закричал:

— На колени стань!

Протопоп на колени не стал и царю ответил:

— От пола до ушей далеко, так-то оно лучше слыхать. Неужто, царь, все перед тобой должны гнуться?..

51

К концу 1669 года наконец построили для узников тюрьму — четыре избенки с земляным полом «по сажени, а от полу до потолка головой достать». То есть по четыре с небольшим квадратных метра на человека. И в такой тюрьме можно было сносно существовать, получая с воли деньги, теплую одежду, письма и даже малину. Но надвигалось на узников время жестокое, ожидали их муки тяжкие.

Власти решили наконец покончить со старообрядческим подпольем в Москве, действовавшим хотя и осторожно, но весьма ощутимо. Разумеется, была и слежка. Перехватывались письма. Шпионы Приказа тайных дел были и среди челяди дома Морозовой.

А Морозова и шагу теперь не делала без совета с Аввакумом. Писала ему о женитьбе сына и о проказах оставленного у нее протопопом юродивого Федора... Не ко двору пришелся ей Федор. «Всем домом мутил», — говорила боярыня. Непонятно из ее писем, то ли пил и буянил Федор, то ли сошелся с одной из близких боярыне женщин... Выгнала она юродивого из своего дома, и попал он сперва в тюрьму к митрополиту рязанскому Илариону, а потом ушел с сыновьями Аввакума на Мезень.

Морозова просила Аввакума запретить его сыновьям шататься с Федором. И Настасье Марковне написала о том же.

Но Аввакум стоял за Федора горой, хоть и поругивал: «Ведаю я твое высокое житье, как у нее живучи, кутил ты!» Боярыне Морозовой он послал резкое письмо, написав его на обороте ее послания.

Отсылка этого письма дает яркое представление, как велась тайная переписка. Воевода Неелов отправлял в Москву с отчетом стрельца Машигина. Аввакум дал с себя ему шубу и полтину денег, а за это стрелец разрешил старцу Епифанию, на все руки мастеру, выдолбить в топорище бердыша «ящичек». В этом тайничке и повез стрелец письмо в Москву.

Ох и ругал же Аввакум боярыню за Федора и за то, что осмелилась она указывать, кого проклинать протопопу. «Глупая, безумная, безобразная, выколи глазища те свои челноком...» Отругав, он тотчас просит: «Ну, дружи со мной, не сердитуй же!.. А вы мне все больны — и ты и Федор...»

Не раз он писал ей: «Помирися с Федором...»; «Я детям своим велю Федора любить — добрый он человек... Такова-то ты разумна — не справишься с коровой, да подойник о землю! Себя было тебе бить по роже дурной...»

Нужный человек был Федор. Напишет ему Аввакум из Пустозерска, что надо тайно проникнуть в восставший и осажденный Соловецкий монастырь и доставить туда протопоповы письма, и Федор тотчас готов ехать. И помощник у него есть — молодой московский мужик Лука Лаврентьев. Вместе они живут у Настасьи Марковны, и в каждом письме шлет им Аввакум благословения, как и всем в семье. Ждал он весной гостей к себе с Мезени, но так и не дождался...

52

Первым был взят ученик и духовный сын Аввакума инок Авраамий.

В Москве знали его как слезливого юродивого Афанасия. Бродил он босиком и в одной рубашке зиму и лето. Грамоте был горазд. В чернецах Авраамий стяжал себе славу духовными стихами и постепенно превратился в опытного писателя-полемиста, успевшего составить сборник из сочинений как собственных, так и многих крупных деятелей разных времен — от Максима Грека до Аввакума. Он часто переписывался с Пустозерском. Авторитет Авраамия был так высок, что многие, получив послание из Пустозерска, просили подтвердить подлинность писаний узников: «Достоит веровать».

Во время ареста при нем тоже оказались письма пустозерцев. Допрашивали его все те же митрополит крутицкий Павел и митрополит рязанский Иларион.

— Я человечишко скудоумной и беспамятной, — скулил юродивый. — Писем не помню, где взял.

— Беспамятной! — ворчал Павел. — Да и памятным сидя разбирать, сколько ты наплел!

Иларион возмущался:

— Ведь ни философии, ни риторике, ни грамматике не обучался, а хочешь говорить выше разума своего!

Авраамий никого не выдал на допросах, но от связи со своим учителем отпереться не мог.

— А я отца Аввакума исповедаю. Сего ради и вопрошаю его. Хочу от него научиться всякому доброму делу.

Митрополит Павел, распалясь, ухватил его одной рукой за бороду, чтобы, как с иронией писал Авраамий, «не пошатнулся он и о помост палатный не ушибся», а другой рукой стал «любезно подавать благословение» — хлестать по щекам.

Авраамий предрекал мятежи и большие беды, называл царя мучителем и гонителем и был в конце концов сожжен на Болотной площади.

Авраамия взяли 6 февраля 1670 года, и еще не истек этот месяц, как из Москвы на север выехал стрелецкий полуголова Иван Кондратьевич Елагин. Стало известно, что юродивый держал связь с пустозерскими узниками через Мезень, а Елагину те края были знакомые — служил он на Мезени воеводой года три. Суров Елагин, к службе ревностен и отмечен не раз самим царем за это. Посулили полуголове: если пригасит он пустозерский костер, быть ему полковником, головой стрелецким в полку личной охраны государя.

Быстро доехал Елагин до Мезени и тотчас учинил следствие. Тут и разбираться почти не пришлось, вся слобода как на ладони. Изругал он местного воеводу за нерадивость и велел посадить в тюрьму всю Аввакумову семью, а с ней Федора юродивого и Луку Лаврентьева.

У полуголовы Елагина разговор был короткий.

— Как, мужик, крестишься? — спросил он Луку.

— Как отец мой духовный, протопоп Аввакум, — ответил Лука.

— Повесить! — приказал Елагин.

Вздернули и юродивого Федора на релях — двух столбах с перекладиной.

Сыновья Аввакума оказались пожиже. Испугались они смерти, повинились. Полуголова велел их держать вместе с Настасьей Марковной в земляной тюрьме, а сам на оленях поспешил в Пустозерск.

Как снег на голову свалился он на сотника Илариона Ярцева и стрельцов. Те караульную службу несли небрежно, узникам потачку давали. Впрочем, дело ограничилось несколькими оплеухами.

С узниками Елагин был вежливее и не так скор на расправу, как на Мезени. Он предложил им принять новые обряды.

— Царь вас вельми пожалует, — пообещал он.

Это узники и сами знали. Не раз уже им обещали все блага на свете. Но и на этот раз они отказались.

Тогда Елагин резко изменил тон. Уговоры сменились угрозами.

— Вы послания писали на Дон к казакам и весь мир всколебали...

Обвинение в причастности к восстанию Степана Разина отвергли все четверо, хотя знали, что их послания читают и на Дону. Кровососы, темные власти церковные оклеветали-де их перед царем. Узники еще надеялись в глубине души на перемену в настроениях царя-батюшки, надеялись, что устрашится он ответа на грядущем Страшном суде, где «христиане возвеселятся, а никониане восплачются...». О неповиновении церковным властям они писали, но к бунту против царя, против государства не призывали. Они не осознавали еще, но были идеологами движения не только религиозного, но и социального, ветви и части народного антифеодального движения, которое породило и разбойника Стеньку Разина.

Алексей Михайлович и его советники лучше разбирались в природе религиозных волнений, подрывавших и государственные устои. Еще по Уложению 1649 года за преступления против веры и церкви полагалась смертная казнь. Потом появились дополнительные указы о разыскивании раскольников и сжигании их в срубе, если «по трикратному вопросу» у места казни они не откажутся от раскола.

Еще три дня пытался запугать и уговорить Елагин пустозерских узников, а на четвертый зачитал царский указ. Аввакума снова пощадили, хоть и умерла уже его заступница, царица Мария Ильинична.

— Изволил государь и бояре приговорили: тебя, Аввакума, вместо смертной казни держать в земляной тюрьме и, сделав окошко, давать хлеб и воду, а прочим товарищам, кроме того, резать без милости языки и сечь руки...

— Я плюю на его кормлю; умру, не евши, — сказал Аввакум.

И в самом деле, возвратившись с места казни, он выбросил в окошко все, что имел, вплоть до рубашки, и стал

поститься, чтобы умереть. Десять дней Аввакум отказывается от пищи и прекратил голодовку лишь по просьбе товарищей.

Страшно казнили остальных. Палач был неопытный, не притерпевшийся еще к своему ремеслу. Трясущимися руками «выколупывал» он из горла остатки языков у троих мучеников. А потом отрубил Лазарю руку по запястье, Федору ударил топором поперек ладони, Епифанию отсек четыре пальца. Стрельцы сразу же повели их в новые тюрьмы. Прежние срубы сделали пониже, засыпали сверху землей, оставив по маленькому отверстию.

«...Запечатлен в живом аду плотно гораздо, ни очию возвести возможно, едина скажня, сиречь окошко. В него пищу подают, что собаке; в него же и ветхая измещем; тут же и отдыхаем. Сперва зело тяжко от дыму было: иногда на земли валяяся удушисься, насилу отдохнешь. А на полу том воды по колени, — все беда. От печали великия и туги... многажды и дух в телеси займется, яко мертв — насилу отдохнешь. А сежу наг, нет на мне ни рубашки, лише крест с гойтаном: нельзя мне, в грязи той сидя, носить одежды».

И в таких условиях узники прожили еще больше десяти лет.

Правда, потом окошки расширили немного, стрельцы стали помилостивее и даже опять появилась возможность писать на волю и получать письма. Первым делом Аввакум написал своей Марковне, чтобы не падала духом и чтобы сын Афанасий не чурался братьев, оказавшихся нестойкими. А вскоре протопопу пришлось утешать и своего «друга головного» боярыню Морозову.

Всё знали про нее власти, но не трогали старшей боярыни покойной царицы, пока она не прогневала царя. А случилось это во время женитьбы царя на юной красавице Наталье Нарышкиной.

53

Так кто же она, боярыня Морозова? Как жила и как жизнь ее окончилась?

Начнем с времен давних, с битвы на Неве в 1240 году, в которой князь Александр разгромил войско шведского ярла Биргера, за что назван народом Невским. И был среди его воинов знаменитый витязь Гаврило Алексич. Рубя врагов по головам, он пробился к шведскому кораблю, на который втаскивали Биргера, раненного князем Александром, и по мосткам въехал даже на самое судно. Витязя скинули с конем в Неву, но он выскочил на берег невредим, снова бросился в сечу и зарубил знатного рыцаря.

Вспомним и Мишу Прушанина, который с пешей дружиной шел вдоль берега реки и рубил мостки, отрезая шведам путь к кораблям.

При Иване Калите, внуке Александра Невского, потомки этих новгородских богатырей перебрались в Москву. От рода Гаврилы Алексича пошли Челяднины, Федоровы, Бутурлины, Пушкины. Потомками Миши Прушанина были Морозовы, Салтыковы, Шеины. Родством и свойством все они были связаны между собой, как и с Романовыми. Десятки Морозовых заседали в думе при всех великих князьях и царях, были боярами и окольничими. Не мудрено, что и братья Борис и Глеб Ивановичи Морозовы, начав карьеру спальниками царя Михаила Федоровича, вошли вскоре в силу, стали боярами.

Борис Иванович Морозов был «пестуном» будущего царя Алексея Михайловича, а когда тот взошел шестнадцатилетним на престол, отцом ему считался. Царь, как тогда говорили, «глядел у него изо рта».

Чтобы крепче привязать к себе царя, Морозов женил его на худородной красавице Марии Ильиничне Милославской, а ровно через десять дней взял в жены сестру ее Анну, став царю свояком. Громадным богатством завладел временщик, числилось за ним 7 254 крестьянских двора.

Его брат Глеб Иванович, приставленный к рано умершему царевичу Ивану Михайловичу, тоже царской милостью имел более двух тысяч дворов. Пожилым уже он женился на красивой семнадцатилетней дочери окольничего Феодосье Прокопьевне Соковниной. Это уж царица Мария Ильинична постаралась, а заодно «пристроила» и сестру ее Евдокию, выдав за царского кравчего князя Петра Семеновича Урусова.

Борис Морозов умер бездетным. Унаследовал его состояние и без того богатый Глеб. Тот ненадолго пережил старшего брата, и в тридцать лет ближняя боярыня Феодосья Прокопьевна стала распоряжаться сказочным богатством двух покойных бояр, доставшимся ее единственному сыну, малолетнему еще Ивану Глебовичу.

В роскоши жила боярыня Морозова. Во дворцах ее полы были паркетные, на западный образец; в садах разгуливали павлины. И при дворе положение ее было прочным, ближняя боярыня и подруга царицы славилась своим обаянием. Недаром еще покойный Борис Морозов любил беседовать с ней и благодарил: «Днесь насладихся паче меда и сота словес твоих душеполезных».

Так и жила бы она в «земной славе», не появись в ее доме Аввакум, человек, как говорил он о себе, нищий, непородный и неразумный, человек беззаступный, одеяния золота и серебра не имеющий, «протопоп чином, скорбей и печалей преисполненный»... Говоря о неразумности своей, прибеднялся протопоп. Он только вернулся из сибирской ссылки, рассказывал о злоключениях своих так, что дух захватывало, громил никоновские нововведения, отстаивал «родную святую старину».

С этого и началось обращение боярыни Морозовой, «отрясание праха» богатства и роскоши, путь от «земной славы» к мученичеству и к иной славе, всенародной...

Жития Аввакума и Морозовой, его и ее письма говорят о боярыне как о женщине веселой и любезной, прекрасной хозяйке, экономно тратившей каждый рубль, несмотря на

свое богатство, — сыновнее имущество полагалось беречь. Лихорадочная деятельность в защиту старины, как казалось, должна была отвлекать от греховных мыслей эту тридцатипятилетнюю, красивую, здоровую женщину. А она еще изнуряла тело свое жестоким постом. Носила власяницу. Ложилась спать при слугах «на перины мягкие, под покрывала драгоценные», а потом перебиралась тайком на пол, покрытый рогожкой. И все-таки жаловалась она в письмах к Аввакуму на мучающие ее соблазны, а он ей отвечал: «Глупая, безумная, безобразная, выколи глазища те свои челноком...», намекая на знакомое им обоим житие преподобной Мастридии, которая выколола себе глаза, чтобы избавиться от любовного наваждения.

Давно бы она ушла в монастырь, да как бы не забота о единственном сыне Иване, беспокойном и проказливом, непослушном и сластолюбивым отроке, которого Аввакум называл «робенком» и тут же спрашивал в письме: «То бы по-твоему добро, как бы на лошадях тех без тебя ездить стал да баб тех воровать?» Чтобы остепенить сына, боярыня надумала женить его и советовалась со своим духовным отцом, какую невесту приискать:

«Где мне взять — из добрыя ли породы или обышныя. Которые породою полутче девицы, те похуже, а те девицы лутче, которыя породою похуже».

Добрая мать, она думала не о знатности будущей подруги жизни своего сына, а о ее благонравии, доброте.

Обыкновенная женщина, обыкновенные заботы. Откуда же взялся образ национальной героини? Почему боярыня Морозова стала для народа одним из символов русского характера?

Зная мятежный образ ее мыслей и о переписке с заточенным Аввакумом, царь отбирал часть ее имений, потом возвращал по настоянию ее подруги — царицы Марии Ильиничны. Но вот царица умирает, и боярыня принимает постриг, становится инокиней Феодорой, перестает «лицемерить», бывать во дворце и на церковных службах.

Когда царь женится снова, на Наталье Кирилловне Нарышкиной, она не является на свадьбу, сославшись на то, что ноги болят. А ей, по положению при дворе, надлежало «в перьвых стояти и титлу царскую говорити». Царь был оскорблен ее отговоркой до глубины души. Ему приписывают слова, которые на теперешнем языке звучали бы так:

— Тяжко ей будет тягаться со мной. Одному из нас придется уступить...

Что-то вроде этого сказал царь, когда услышал об ее отказе. Алексей Михайлович с годами становился болезнен, рыхл и злобен. Придворные и духовенство стали осаждать Морозову и требовать, чтобы она перестала противиться царю.

— За учение Аввакума проклятого умереть хочешь, — говорил ее дядя Михаил Ртищев.

Царская свадьба состоялась 22 января 1671 года, и с этого времени ее уговаривают повиниться и царские вельможи, и многочисленные знатные родственники Морозовых. Начинается то, что потом назвали «духовным поединком» между царем и боярыней. И за этим поединком следит народ, сочувствие которого не на стороне власти. Дрогни Морозова, уступи, и постигло бы людей разочарование, стойкость в их глазах превратилась бы во вздорное упрямство, не было бы героини...

Многие прежние друзья отступились от боярыни. Лишь сестра ее княгиня Евдокия Урусова и жена стрелецкого полковника Мария Данилова остались верными ее подругами. Ночью 14 ноября 1671 года к ней в дом пришел чудовский архимандрит Иоаким. Он приказал своим подручным держать Морозову и Урусову под домашним арестом и наложить на них кандалы. Мария Данилова бежала, но ее разыскали на Дону, привезли, заковали в цепи и посадили в подвал Стрелецкого приказа.

Знаменитая картина Сурикова рассказывает о событии, которое произошло 19 ноября. После допросов во Вселен-

ских палатах Чудова монастыря в Кремле и двухдневного сидения с железными кандалами на ногах в подклете к боярыне пришел думный дьяк Стрелецкого приказа Иларион Иванов, приказал снять с ног кандалы и надеть ей на шею железный ошейник — «огорлие», соединенный цепью со «стулом» — тяжелым обрубком дерева. (У Сурикова цепь свисает с запястья руки. Он знал, как было на самом деле, но историческая истина не всегда отвечает поискам лучшего художественного решения).

В старообрядческом житии боярыни Морозовой говорится (излагаю по-современному): «И повелено было думным людям посадить ее на дровни, а конюху везти. Она села и стул возле себя положила. И везли ее мимо Чудова монастыря под царскими переходами. Высоко подняв правую руку и ясно изобразив сложение перстов, великая Феодора перекрестилась, звеня цепью. Мнила святая, что на переходах стоит царь и наблюдает за победой ее...»

Неизвестно, действительно ли смотрел царь, как везли Морозову. У Сурикова в картине написано окно с решеткой, за которым смутно угадывается человеческая фигура. К этому окну обращен горящий взор боярыни. Победа же Морозовой (если не думать об одолении самой себя и наслаждении мученичеством своим), по мысли великого русского художника, в сочувствии народа.

Везли Морозову из Кремля на Арбат, на подворье бывшего Псковского Печерского монастыря, купленное казной для страшного приказа Тайных дел. Сторожил ее десяток стрельцов. Но и туда проникали сторонники Аввакума, поддерживали и утешали ее.

А в утешение была у нее нужда великая. Прислали к ней попа сказать, что из-за нее постигло ее сына божье наказание — он умер. Она рыдала и билась о землю. Всего двадцать лет было ее ненаглядному Ивану. Автор «Повести о боярыне Морозовой» (по-видимому, ее дворецкий Андрей) уверял, что «отрок от многие печали впал в не-

дуг». Царь присылал к своему юному стольнику «лекарей своих, и так его улечили, что в малых днях гробу предали».

Царь Алексей Михайлович выслал из Москвы братьев боярыни Федора и Алексея Соковниных, одного назначил воеводой в Чугуев, а другого — в Рыбное (город Острогожск), богатые имения Морозовых раздал любимцам, а драгоценности велел распродать.

Не раз приезжал к Морозовой ее дядя, вельможа Михаил Ртищев. Говорил он ей и ее сестре княгине Урусовой:

— Удивляет меня ваше страдание. Очень смущает — не возьму в толк, за истину ли терпите?

Он пошел к патриарху Питириму и рассказал, как боярыню силой тащат в церковь на службу. Просил за них и говорил, что такое насилие — другим соблазн.

— Иди, — сказал патриарх, — а я царю об этом напомню.

Патриарх стал уговаривать царя:

— Я тебе, государю, советую боярыне Морозовой, вдовице, все-таки дом отдать и на потребу дворов бы сотницу крестьян, а княгиню вернуть князю, так бы дело приличнее было. Женщины они — много ли смыслят?

И ответил ему царь:

— Святейший владыко, я бы давно это сделал, но не знаешь ты лютости той женщины. Скажу я тебе, не перестает ругать меня Морозова та. Кто мне еще столько зла сделал, сколько она? Велики у меня от нее заботы и неприятности. Если не веришь словам моим, то изволь, сам убедиться — призови ее и вопроси, и тогда убедишься в ее упрямстве, вкусишь всю ядовитость ее. И потом что повелит твое владычество, то и сотворю, не отступлюсь от слова...

В два часа пополудни Морозову в цепях посадили в дровни и привезли в Чудов монастырь. Во Вселенской палате уже ждали ее патриарх Питирим, митрополит Павел и другие церковные и светские власти и начальники.

— Удивляюсь, — начал патриарх, — неужели ты так возлюбила эту цепь, что не хочешь с ней разлучиться?

Морозова усмехнулась:

— Воистину возлюбила. И не просто люблю, а наслаждаюсь, с вожделением смотрю на эти узы. Как не любить мне их, великой грешнице?..

— Доколе ты будешь безумствовать? — с возмущением сказал патриарх. — Доколе себя не помилуешь, доколе царскую душу будешь возмущать своим противлением? Оставь все эти нелепые начинания и послушайся моего совета, потому что предлагаю я его, жалея тебя: приобщись к соборной церкви и российскому собору исповедайся и причастись.

— Некому исповедоваться, — упрямо отвечала боярыня, — не у кого причаститься.

— Много попов на Москве, — возразил патриарх.

— Много попов, но истинного нет.

— Понеже я вельми пекусь о тебе, — сказал патриарх, — придется мне на старости лет потрудиться и самому исповедать тебя и причастить.

— Говоришь, самому? Слова мне твои непонятны. Чем ты отличаешься от других? Не их ли волю творишь? Когда был ты митрополитом крутицким и держался обычая христианского вместе с отцами, преданными нашей русской земле, и носил клобучок старый, тогда мы тебя любили. А ныне, понеже захотел волю земного царя творить, а небесного царя и создателя презрел и возложил рогатый клобук римского папы на голову свою, мы от тебя отвращаемся...

Тогда патриарх велел облечь себя в священническую одежду. Митрополит Павел поддерживал одной рукой старенького патриарха, а другой хотел снять треух с головы Морозовой, чтобы патриарх мог коснуться спицей, омоченной маслом, ее лба. Боярыня отпихнула руку митрополита, крикнув:

— Иди отсюда!

Оттолкнула она и руку патриарха со спицей. Гнев патриарха был велик.

— О исчадие ехиднино!—ревел он, как медведь.— Вражья дочь, страдница! Повергните ее, волочите. Как пса за шею выволоките ее отсюда! Не жить ей больше! В сруб страдницу! Сжечь!

И поволокли боярыню за цепь, раня шею, едва не оторвав голову. Все ступени на лестнице она головой сочла. В девять часов Морозову увезли в место заточения, а пред патриархом предстали Евдокия Урусова и Мария Данилова. И они вели себя так же.

Царь торжествовал:

— Что я говорил тебе?..

Узниц повезли пытать на Ямской двор. Боярыня Феодосья Морозова сжимала руку Евдокии Урусовой:

— Терпи, мать моя, терпи.

Наблюдать над муками узниц были приставлены Василий Волынский и князья Иван Воротынский и Яков Одоевский. Первой к огню подвели Марию Данилову, обнажили до пояса, заломили назад и связали руки, вздернули на дыбу. Потом наступила очередь княгини Урусовой. Заметив матерчатый красивый покров ее треуха, мучители спросили:

— Почто так творишь — в опале царской, а носишь цветное?

— Ничем я не согрешила перед царем, — отвечала Евдокия.

И она была вздернута на дыбу. А потом и Морозова.

Князь Воротынский задавал вопросы:

— Что ты сотворила? От славы к бесславию пришла. И это ты, такого рода! Принимала в своем доме Киприана и Федора юродивых. Их учения держась, прогневала царя!

— Невелико благородство телесное. И что такое слава человеческая суетная на земле? Ты говоришь о славе, но нет величия в ней, она тленна и мимоходяща...